

Новогодние интервью

Литературная России

Михаил
ЖАРОВ

В новогоднюю ночь хочется видеть улыбки на лицах людей. Вот почему я и решил рассказать об одной забавной истории, которая случилась со мною, хотя и не в нынешнем году...

В общем, вот как это было. Играл я в фильме «Богдан Хмельницкий» дьяка Гаврилу, этаного расстригу-попа, бежавшего в Сечь Запорожскую...

Снимали сцену вербовки добровольцев в войско Хмельницкого.

Стоит дьяк Гаврила. Он в рясе, поверх которой сабля, за поясом два пистоля, на шее крест.

Длинная очередь крестьян, вооруженных вилами, топорами и косами, тянется к Гавриле.

— Как звать?

— Микола.

— Святой веры че предавал?

— Нет, святой отец!

— Добре. «Отче наш» знаешь?

— Знаю!

— Горилку пьешь?

— Пью.

— Истинно христианская душа, целуй крест, раб божий, — и Гаврила сует ему в рот с размаху крест. — Следующий!

Постепенно Гаврила устаёт, вопросы его становятся короче и часто уже вместо креста сует в рот «рабу божьему» пистолет.

Съемка была звуковая, поэтому всех предупредили, чтобы никаких, «упаси боже», лишних разговоров не было.

В массовке снимались местные крестьяне и рыбаки.

Один старик оказался на редкость живописным — весь его вид, чудесные черты лица, мягкая украинская речь могли украсить эпизод. Ему дали слова, ассистенты с ним поработали и поставили его в очередь.

На мои вопросы отвечал он быстро и старательно:

— Как звать?

— Сашко!

— Веры не продавал?

— Отче! Даже страсть подуматы! Нет! Не продавал! — симпровизировал он восторженно.

— Горилку пьешь?

Он хотел ответить, но, подумав, остановил свой пыл и как-то весь вдруг обмяк, только глаза его молодое заблестели. Он смочил языком сухие губы и ужасно тоскливо (сыграть и повторить его интонацию мы потом не смогли), но

в то же время с глубокой верой, что все в моих руках, ответил:

— Нет, не пью, дорогой Михайло Иванович! Не подносят старину, ну что ты снажешь, не подносят!

И выпалив наболешнее, он, ядовито поджав губы и скрестив руки на животе, решил побеседовать...

Вечером, когда мы сидели и дружно пытались объяснить старику, что он все испортил своим разговором, Сашко, уже разомлевший и довольный, качая головой, говорил тенорком:

— Нет, нет! — и пел каким-то воркующим голосом: — Пить или не пить — все равно помрешь!

После каждой трогательно пропетой фразы он начал головой и, умильно щелкая себя по носу, шептал:

— Хорошо! А? Скажи спасибо, а кому? Михайло Ивановичу, це чоловек!

